

Виктор закрыл дверь за последним грузчиком и с довольным видом огляделся по сторонам. Квартира была хаотично заставлена мебелью, обмотанной упаковочной бумагой, скотчем и пупырчатой плёнкой. Пространство небольшой квадратной прихожей оказалось буквально забаррикадировано картонными коробками, а угол у двери заняли три вертикально поставленных, свёрнутых в рулоны ковра.

Парень ещё раз оценил масштаб предстоящей деятельности, чуть поерошил длинными тонкими пальцами свои волосы, по-детски улыбнувшись, посмотрел на Наталью и взялся распаковывать тёмно-коричневый шкаф на круглых чёрных ножках.

Девушка, заложив руки в карманы своей олимпийки, медленно прошла по узким проходам, напоминающим лабиринт, посреди всего этого мебельного нагромождения, прикидывая, с чего бы начать. Потом сняла с запястья цветную фенечку, оказавшуюся одновременно резинкой для волос, собрала рыжие суховатые пряди в хвостик и принялась стягивать плёнку с небольшого дивана с деревянными подлокотниками.

— Осторожно, там зеркала и стёкла от серванта, — предупредил её Виктор.

— Хорошо, — кивнула Наталья, снимая хрупкий груз с сиденья и отставляя для безопасности подальше к стене.

Тем временем Виктор уже разобрался со шкафом и примерялся, как лучше придвинуть его к стене.

— Поможешь мне? Надо его чуть приподнять с обеих сторон, чтобы не обломать ножки.

— По полной решил меня припахать, эксплуататор? — улыбнулась девушка и взялась руками за нижний край шкафа, который, впрочем, оказался удивительно лёгким и быстро занял своё место.

Довольная собой Наталья посмотрелась в тёмную полированную поверхность, как в зеркало. Виктор тем временем уже задвинул в нишу небольшую кровать-полторку, с грохотом обрушил на неё тяжёлый пружинный матрас и занялся разворачиванием ковра.

— Когда расставим всю мебель, станет намного проще, — проговорил парень, наконец справившись со скотчем, которым был многократно обвит

шерстяной рулон, и, заметив грустное выражение на лице девушки, спросил: — Всё в порядке?

— Да. Просто... — проговорила Наталья, не в силах оторваться от своего отражения в тёмной полировке, словно её саму начинало засасывать в какую-то чёрную дыру. — Когда ты говорил, что хочешь обставить квартиру памятными вещами, я не предполагала...

— Что?

— Что их будет так много. Ну, знаешь, памятные вещи — это обычно какие-то милые винтажные вещицы. Статуэтки... Настольная лампа...

— Для меня все эти вещи памятные.

— А ты уверен, что всё влезет?

— Ну конечно. Раньше же влезало. Смотри-ка... Все дырочки на месте, — Виктор улыбнулся и как-то ласково провёл рукой по ряду дюбелей, небольшими бугорками выпирающих из-под обоев. — Дай мне отвёртку и шурупы из сумки. Повесим ковёр, и сразу станет уютно...

— погоди... — пугаясь в вещах и мыслях и всё ещё не до конца понимая, Наталья протянула парню отвёртку и полиэтиленовый кулёк с шурупами. — Так ты не случайно настаивал, чтобы мы купили именно эту квартиру? Она похожа на ту, где ты жил в детстве?

— Нет... Крестовую отвёртку. Спасибо, — дождавшись нужного инструмента, парень принялся вкручивать шурупы в стену. — Нет, это та самая квартира, в которой я жил до пяти лет. Номер девять, третий этаж, слева от лестницы.

Закончив с крепежом и развернув на стене ворсистый цветной ковёр с замысловатым геометрическим узором, Виктор распластался на кровати в задумчивости, заложив обе руки за голову.

— Здесь ещё должны висеть ночник в виде такого прямоугольного уличного фонарика и круглая чеканка с профилем Тутанхамона. Вот и место под шуруп...

— Я видела их, кажется, в той коробке.

— погоди. Давай сначала закончим с мебелью. Предлагаю сервант, чтобы задвинуть его в угол, поставить стёкла и уже не трястись из-за них.

Наталья согласно кивнула и начала, надрезая скотч, освобождать от упаковочной бумаги блестящий оранжеватый сервант под малайзийское дерево.

— Значит, это твоя квартира и все твои старые вещи?

— Да,— кивнул Виктор, разворачивая светло-бежевую прямоугольную двусторчатую тумбочку хрущёвской поры и с трудом водружая на неё чёрно-белый телевизор «Горизонт» с зеленоватым выпуклым экраном и внушительной круглой ручкой переключения каналов,— это была моя старая мечта. Восстановить обстановку моего детства. Воссоздать свои воспоминания.

— Работает?— поинтересовалась Наталья, скептически глядя на громоздкий аппарат.

— Нет,— тяжело выдохнул парень,— там вакуумная лампа сгорела. Я заказал копию на китайском сайте. Должны прийти через пару недель. Представляешь! С тех пор как были популярны такие телеки, прошло почти пятьдесят лет, а китайцы до сих пор запчастей делают.

Вместе с Натальей, задвинув сервант на единственно верное положенное место и закрепив внутри зеркала и стёкла, Виктор довольно осмотрел вырисовывающуюся в комнате картину и наконец предложил:

— Может, перекурим и выпьем чайку?

Маленькая кухня, не больше восьми квадратных метров, из-за обилия нераспакованных коробок казалась ещё меньше, но всё-таки на ней умещались старая эмалированная мойка, холодильник, небольшая двухкомфорочная газовая плита и квадратный белый стол из покрытой пластиком деревоплиты.

— У тебя и правда очень много интересных вещей,— заметила Наталья, профессиональным взглядом фотографа рассматривая чашки с золотистым орнаментом из цветов и листиков, пока на столе шумел электрический самовар.— Непременно все их перефотокаю. Будет клёвый рарный сет. Как тебе удалось всё это сохранить?

— Не знаю,— пожал плечами Виктор.— Что-то было свалено в гараже, что-то было на даче, а какие-то вещи, если подумать, всегда были рядом со мной. Может, это просто психологическое свойство старёвщика, а может, я подсознательно держался за все эти предметы. Вещи переживают своих владельцев... Не зря же считается, что они хранят память о них.

— Не рано ли ты решил создавать музей имени себя?— ехидно улыбнулась девушка, заметив, что парень как-то погрустнел.

— Пока есть время... Пока я ещё не всё забыл,— серьёзно ответил он и задумчиво посмотрел в окно, откуда на маленькую кухню светило мягкое августовское солнце.

— А я вот не держусь за старые вещи. И за воспоминания тоже,— Наталья налила из самовара две кружки кипятка и поболтала в обеих одним пакетиком чая.— Может, потому что они в основном

хреновые... Помню, что в школе ко мне относились отвратительно. Да и в универе было не сильно лучше. А раньше... Не помню чего-то особенного из детства. Помню, что играла в куклы. Любила смотреть мультики... А ты?

Виктор всё ещё смотрел в освещённое солнцем окно, на зелёную листву, которая шелестела за небольшими деревянными рамами, покрытыми белой потрескавшейся краской, и, казалось, совершенно не слушал девушку, но сразу ответил:

— А я помню почти всё. Помню этот стол на этой кухне и как я завтракал за ним. И что у меня была детская вилочка с тремя тонкими длинными зубчиками. Не такая, как делают сейчас для детей, с нелепыми цветными ручками из пластика, а как взрослая, из настоящего набора столовых приборов, только маленькая. Помню, что такой летний солнечный день у меня почему-то ассоциируется с запахом жареной картошки с жареным луком, которую готовила бабушка. Только... Я почему-то не могу вспомнить, какие шторы были на окне. Конечно, они не сохранились... Но я даже не могу вспомнить, какими они были.

— Разве это важно? Такая мелочь.

— Всё большое состоит из мелочей. Все они цепляются друг за друга, словно маленькие крючки,— Виктор вдруг поднялся с места и чуть повернул кухонную дверь, в распахнутом положении прикрывающую часть стены с выключателем.— Смотри! Видишь эту дырку в стене? Когда-то здесь был серебристый дюралевый крючок, на который за дверь вешали всякие авоськи и пакеты. Однажды, мне тогда было года три, я решил, что уже довольно самостоятельный. Я пошёл зачем-то на кухню, когда было уже темно. Взял эту табуретку, подставил к стенке и полез к выключателю, чтобы включить свет, но пошатнулся, упал и, распоров бок, повис на этом крючке. Никакой серьёзной травмы не было, просто длинная и глубокая царапина, крючок просто зацепился за пижамную рубашку и порвал ткань, но все очень сильно испугались. И я тоже. Плакал больше от испуга, чем от боли. Хотя не сознался в этом. Сказал, что жалко пижаму.— Ты уже тогда был милым обманщиком и всё придумывал,— улыбнулась Наталья.

Парень молча приподнял футболку, и на его правом боку девушка вдруг увидела еле заметный, давно замывшийся шрам.

— Я помню даже рисунок той пижамы: узор из повторяющихся Винни-Пухов и горшочков мёда. Мама и бабушка сказали, чтобы я не плакал, что они её непременно зашьют и постирают. И я сразу упокоился. А ещё была вторая пижама— с Пятачком и зелёным шариком.

За окном начинало темнеть. Тем временем квартира постепенно снова приобретала вид, знакомый одному лишь её прежнему хозяину. Вдоль стен

выстроились старенький диван под вторым узорчатым ковром, полки для книг, чёрное пианино, круглый раздвижной обеденный стол. Под ноги лёг однотонный зелёный палас, а под потолком вместо одинокой стандартной лампочки повисла люстра с шестью заострёнными электрическими «свечками».

— Знаешь, а ты буржуй... — проговорила Наталья, осторожно вынимая посуду из коробок с надписью «Стекло» и расставляя в серванте. — Если бы в моём детстве у меня были такие козырные наборы бокалов и тарелок, я бы тоже это запомнила. Я уж не говорю про хрусталь. Предлагаю в Новый год достать их и устроить ретро-вечеринку.

— Так и сделаем, — кивнул Виктор, соединяя проводами радиолу с проигрывателем грампластинок и парой вытянутых колонок с деревянным корпусом.

— М-м-м, — игриво протянула девушка, — теперь у нас и музыка будет?

— Сейчас проверим, — парень поставил первую попавшуюся пластинку, аккуратно опустил иглу и со звонким металлическим щелчком вдавил кнопку включения.

На радиоле загорелась жёлтая шкала с диапазонами радиостанций, пластинка закружилась, и из динамиков через тихий мягкий треск полилась музыка.

— Это Вагнер? — догадалась Наталья.

— Да. Опера «Тангейзер». Ты же говорила, что не разбираешься в классике.

— А я и не разбираюсь. Просто если это что-то такое — тырым-пырым — весёленькое, то это Моцарт. Если более нежное и романтическое, то Вивальди. Если пафосное и величественное, то Бах. А пафосное и занудное — значит, Вагнер.

— И сейчас они все — тырым-пырым — перевернулись в своих гробах, — рассмеялся Виктор. — Это как раз-таки романтическая история про поэта, который потерялся в горах и долгие годы жил в пещере вместе с богиней Венерой. Вовсе не занудная...

— А это точно была богиня, а не какая-нибудь матерящаяся гномиха из твоего фэнтези? — прищурилась Наталья.

— Это же древнегерманское предание...

— Ну, тогда всё ясно. Только занудные немцы смогли бы посадить богиню в пещеру, а занудный Вагнер написать об этом занудную оперу, — звонко рассмеялась девушка. — Уверена, что и сам герой с богиней занимались в пещере чем-то занудным... Играли в лото, например.

— Хорошо, хорошо! Я понял. Давай сменим пластинку? — предложил Виктор, еле сдерживая смех и выключая проигрыватель.

— Ты это мне сейчас сказал?

— Что?

— Ну, ты намекнул.

— Вовсе нет.

— Это было сказано так... Словно вы язвите, Витя.

— Я старался, — расхохотался парень.

— Ах ты... Ну ладно... Теперь я хотя бы знаю, какие язвы вырастают из зануд, которые в детстве слушают Вагнера.

— На самом деле в детстве я в основном слушал сказки. Такие, записанные на пластинки. Тут среди других записей они есть... И примерно тогда же начал сочинять свои. Придумывал всякие продолжения, добавлял новых персонажей... Там всегда были какие-то удивительные приключения и обязательно хороший конец. Помню, что взрослые сожалели, что у нас не было магнитофона, а только этот проигрыватель... — Виктор задумался, уставившись в пустоту.

— А потом?

— Потом магнитофон купили, но я к тому времени уже перестал сочинять сказки.

— Ну ты чего? — Наталья, снова почувствовав тоску в голосе парня, мягко обняла его сзади своими тонкими руками. — Ты же в итоге всё-таки стал писателем. И неплохим писателем...

— Да... Только разучился делать счастливые финалы, — всё так же глядя в никуда, проговорил Виктор, — и записывать меня больше никто не хочет. Приходится самому.

За окнами совсем стемнело. Желтоватый фонарь красиво подсвечивал в ночи листву старой разросшейся липы. Квартира наконец-то приобрела обжитой вид, стала уютной и теперь вся была залита светом винтажной шестиламповой люстры. Сложенные «на время» коробки заняли своё вечное место за шкафом в прихожей. Обрывки бумаги, скотча и пупырчатой плёнки утрамбовались в раздувшийся пакет у входной двери в ожидании отправки на помойку.

Наталья сидела на полу, по-турецки подогнув под себя ноги, и разбирала книги. В основном это были ровные однообразные томики собранных сочинений, которые она нежно обмахивала чуть влажной тряпочкой и складывала в стопки, которые Виктор расставлял по полкам в одном ему ведомом порядке.

— А это очень интересно... — нарушила тишину девушка. — И это такое личное. Нечто доверительное.

— Что именно? — спросил Виктор, принимая из рук Натальи очередную порцию книг.

— Находиться здесь. Прикасаться ко всем этим вещам. Сидеть на этом ковре, том самом, на котором ты играл в детстве.

— Наверное... Только ковёр не тот самый. Он был натуральный шерстяной с довольно длинным ворсом, а это просто напоминающая его синтетика. К сожалению, всё сохранить невозможно, — писатель поставил ещё одну порцию книг на полку

и сел на пол напротив девушки. — А вообще ты права. Я сидел вот здесь, в этой самой комнате. Вон там, недалеко от окна, стояла моя кровать, коричневая, на маленьких колёсиках. Её давно продали... А играл я на полу, на ковре. Часами выстраивал какие-то города из кубиков, а потом разыгрывал в них приключения разных героев. Игра могла затянуться допоздна, и её сюжет не был закончен. И тогда меня укладывали спать, но не убирали кубики и игрушки. Всё оставляли на своих местах, чтобы на следующий день я мог продолжить. Ходили осторожно вокруг, боялись разрушить.

— Тебя очень любили...

— Да. И я был так счастлив. И думал, что так будет каждый день. Но только потом всё равно всё разрушилось, — Виктор замолчал.

— Просто детство прошло. Ты уже не ребёнок. Ты вырос. Так всегда бывает... — ласково проговорила Наталья, но писатель перебил её:

— Детство? Детство создавали мне родные люди. И оно не прошло... Оно ушло. Вместе с ними. Сначала дед. Так и не успел обсудить с ним всего, что хотел. Через полгода — бабушка, которая любила меня, как никто больше. Дальше родители... Двоюродная родня... Каждый раз это воспринимаешь всё проще. Но потом понимаешь, что каким бы ты ни считал себя молодым, но следующая очередь — твоя. А тот ребёнок, — голос Виктора вдруг задрожал, — он же до сих пор там, внутри меня. А весь этот «Я», который снаружи, со всеми своими делами, устремлениями, достижениями, — он только оболочка. Защищает маленького мальчика, у которого больше никого не осталось...

Наталья вдруг увидела, что на глазах писателя заблестели слёзы, и, подсев ближе, снова молча обняла его, но, кажется, от этого Виктору стало только хуже, потому что он почти расплакался.

— Я понимаю, тяжело терять близких...

— Вообще нет... Я давно смирился с этим. И осознаю, что жалко мне вовсе не умерших. Страдают не те, кто умирает, а те, кто остаётся. Мне жалко... Себя. Того маленького мальчика, который сидит в этой залитой солнцем комнате и с интересом играет в игрушки на зелёном ковре. Он так увлечён. И он счастлив. Но когда игра закончилась, он вдруг оглянулся и понял, что остался совершенно один... — Я с тобой. С тобой, — пробормотала Наталья, неловко прижимая к себе и поглаживая голову Виктора, уже не зная, как успокоить писателя, который окончательно разрыдался.

— Я ведь был там счастлив. По-настоящему счастлив. В том солнечном дне. Когда всё было просто хорошо. Когда все были живы. Когда казалось, что завтра всё повторится и ничего не закончится. Если бы только был шанс... Один шанс... Наверное, я бы отдал всё. Всю свою оставшуюся жизнь. Только за то, чтобы снова оказаться там.

В тёплой тишине, которая была наполнена запахом протёртой полиролью мебели, свежестоптанного постельного белья и старых книг, Наталья почему-то удивилось что-то знакомое. Откуда-то с кухни раздавалось тиканье маленького кварцевого будильника. А вот обычного посвистывающего храпа писателя совершенно не было слышно.

— Вить, ты не спишь? — наконец тихонько спросила девушка, боясь, что Виктор всё-таки спит.

— Нет, — ответил он, всё так же неподвижно глядя в стену с узорчатым ковром.

— А что?

— Думаю.

— О прошлом?

— В каком-то роде... Смотрю на ковёр и сочиняю. Раньше я делал так, придумывая, что могут значить все эти рисунки, — писатель повернулся на спину и уставился в потолок. — Я вдруг понял: если смотреть на время как на четвёртое измерение, где прошлое, настоящее и будущее существуют параллельно... то ничего не прошло. И никто не умер. И ничего никуда не девалось. Все остались где-то там, на оси времени, в пространственно-временном континууме. Просто я уже убежал чуть дальше.

— Тебя это успокаивает?

— Отчасти, — Виктор вздохнул. — Может, поэтому я и люблю писать фантастику? Заново придумываю, как мог бы быть устроен наш мир. Фантазирую о возможностях...

— Да, это определённо твоё, — незаметно улыбнувшись, заметила Наталья, — вроде покупки этого бракованного китайского будильника, который идёт в неправильную сторону.

— Он просто идёт назад. И он не бракованный. Я сам его переделал, — ответил писатель. — Там внутри есть маленькая прямоугольная магнитная пластинка. Если перевернуть её, то механизм начинает двигаться в противоположную сторону.

— Но зачем? Какой смысл в таких часах?

— Ну, во-первых, два раза в сутки они всё-таки показывают правильное время. А во-вторых, — голос Виктора снова еле заметно дрогнул, — они напоминают мне о том, что возможно всё.

Наталья чуть приподнялась на подушке и посмотрела на писателя, чуть погладив его рукой поверх одеяла.

— Мне кажется, зря ты затеял всё это со своими воспоминаниями. Делаешь себе больше. Нельзя же всё время жить прошлым...

— А как надо жить?

— Одним днём.

— Хм... А что же делать, если этот один день прошёл? Уже очень давно...

— Забыть о нём. И смотреть только вперёд. В новый день. В который не всякий может взглянуть...

— Нет. Это моё. Только моё. Часть меня, — твёрдо ответил парень, не заметив шуток. — Это делает меня тем, кто я есть.

— Да, конечно... Просто...

— Тебе не нравится всё это? Всё, что я тут устроил,— Виктор пристально посмотрел из полумрака в глаза девушке.— Думаешь, это глупость? Надо жить настоящим?

— Какая уже разница, что думаю я?— мягко ответила девушка вопросом на вопрос и, тихонько вздохнув, прижалась к плечу писателя.

— И всё же?

— Ты же знаешь, я очень нетребовательна к обстановке. Мне нужен-то только матрас, чтобы спать, и угол, куда кинуть фотоаппарат и сумку с вещами. И если тебе для своего писательского творчества важно создать музей своих воспоминаний, я готова жить среди твоих воспоминаний. Главное, чтобы для меня там нашлось место.

— Ну ты же здесь...

— Да.

Утро принесло с собой какую-то необычную яркость и свежесть. Виктор проснулся от звуков, словно врывающихся в квартиру со всех сторон. Он приоткрыл глаза и увидел, что оба окна в комнате были распахнуты настежь. С кухни доносился шум закипающего чайника и шлепки босых ног по линолеуму. Писатель сладко зевнул, потянулся и прошёл на кухню.

— Проснулся наконец, соня!— весело прощепетала Наталья, чмокнув Виктора в щёку.— Прости, что не сильно разгатавливалась. Вот. Чай, бутеры. Садись. И скоро пойдём.

— Куда?— поинтересовался писатель, медленно усаживаясь за стол и откусывая бутерброд.

— Меня вызывают в редакцию. Им срочно понадобились мои снимки. А отправить их по мылу я не могу, потому что в твоём музее пропали электричество и Интернет,— затараторила девушка, мелкими глотками отпивая свой чай.— Я и самовар-то этот не смогла включить. Хорошо, что есть газ и спички.

— Ну... Я-то никуда не тороплюсь,— довольно улыбаясь, ответил писатель, специально растягивая каждое слово и продолжая со смаком поглощать бутерброд.

— Ошибаешься,— ухмыльнулась Наталья.— Твоя задача— разобраться, что не так с электричеством, и, вероятно, сходить в хозяйственный за какими-нибудь запчастями и инструментами. Говорят, некоторые писатели разбираются в этом немного...

— Некоторые даже достаточно разбираются...

— Чтобы запустить время вспять? Так и знала, что ты у меня мастер на все руки.

Пока Наталья надевала свои кроссовки, Виктор пощёлкал предохранителем-автоматом в электрощитке и, сообразив, что дело не в нём, вышел из квартиры вместе с девушкой. Молодые люди спустились вниз по узкой лестнице и, ещё раз

поцеловавшись у подъезда, разошлись в разные стороны заросшего зеленью старого двора.

Писатель вернулся через полтора часа или чуть больше. Он подошёл к двери квартиры с цифрой «девять» на прикрученном парой шурупов металлическом ромбике, вставил ключ в замочную скважину, но успел повернуть его только на один оборот. Кто-то повернул замок ещё раз с внутренней стороны. Дверь открыла старая седовласая женщина в домашнем платье и наброшенной на плечи кружевной шали.

— А вот и вы! Признаться, я представляла вас иначе,— сказала она так непринуждённо, словно это Виктор пришёл к ней в гости, а не она неизвестно откуда появилась в его квартире.— В любом случае вы пришли вовремя. Проходите.

Не понимая, что происходит, Виктор зашёл домой и небрежно бросил пакет со своими электро-техническими покупками в угол, где до этого были засунуты за шкаф картонные коробки. Странно, но теперь он их там не увидел. В квартире было тихо и пахло жареным луком.

— Удивительное дело. Я совершенно точно знала, что вы должны прийти в это время, но всё равно не успела закончить со своей стряпнёй,— продолжала как ни в чём не бывало незнакомка.— Проходите на кухню... А то у меня сейчас всё подгорит.

— Простите, но вы кто?— спросил Виктор, следуя за ней.

— О, это совершенно не важно,— ответила женщина, торопливо размешивая в сковородке жареную картошку с луком,— намного важнее, что мы, наконец, встретились.

— Не могу сказать, что я рад встрече. Что вы делаете в моей квартире?

— В вашей квартире?— незнакомка улыбнулась.— Ничего. Ведь это моя квартира.

— Ясно,— не рассчитывая уже добиться каких-то вразумительных объяснений, сказал писатель и полез в карман за мобильным телефоном.— Я вызываю полицию.

— Не торопитесь, молодой человек,— сказала женщина, наблюдая за тщетными попытками Виктора набрать номер,— ваша радиосвязь тут не работает. Вы напоминаете мне моего покойного мужа. Он вечно торопился... Как вы. Лишь бы сделать поспешные выводы и нажать кнопку... Вместо того, чтобы просто подождать. В большинстве случаев достаточно просто подождать... Когда всё станет ясно... Само собой.

— Хорошо, я подожду,— согласился писатель, садясь за стол.— Скоро сюда вернётся моя невеста, и мы вместе разберёмся, кто вы: мошенница или сумасшедшая.

— Скорее сюда придёт мой муж,— рассмеялась незнакомка, накладывая картошку в тарелку.— Будете?

— Нет,— твёрдо отрезал Виктор, зло сверкнув на женщину глазами.

— Будете,— мягко повторила она и поставила тарелку перед писателем.

— Буду,— неожиданно для себя всё с той же недовольной интонацией повторил он.

— Ну вот и хорошо. Держите вашу вилочку.

Виктор покрутил в руках небольшой столовый прибор, который положила на стол женщина. Чуть тяжёлая и холодная на ощупь, изготовленная целиком из нержавеющей стали, с тремя тонкими зубчиками и массивной ручкой.

— Откуда она у вас? Она ведь...

— Потерялась при переезде?

— Да.

— Нет. Ничего не теряется,— женщина чуть улыбнулась и покачала головой, а потом, словно спохватившись, посмотрела на часы,— Вы меня простите, молодой человек, но пока я тут с вами болтаю, у меня уже девятнадцать минут как идёт фильм.

Незнакомка поправила свою шаль и гордо прошла в комнату, откуда через минуту послышался щелчок телевизионной кнопки и молодой Боярский запел о том, что «всё пройдёт». Какое-то время вслушиваясь в музыку, писатель задумчиво повертел на вилке румяный зажаристый картофельный кубик, но, так и не решившись его попробовать, отложил назад и прошёл следом за незнакомкой. Она сидела на диване перед телевизором и с выражением полнейшей безмятежности наблюдала за происходящим на выпуклом экране. — Он что же, всё-таки работает?— задал Виктор вопрос и сразу же получил очевидный ответ:

— Как видите. Вообще, я считаю, что техника должна работать. Иначе её существование становится бессмысленным. В отличие от людей.

Не сильно вникая в пространные размышления старой женщины, писатель оглядел комнату, мысленно прикидывая, не пропало ли что-то из квартиры. Его взгляд остановился на стоящем на фортепиано фото в рамке, с которого улыбалась молодая симпатичная блондинка. Его определённо принесла с собой незваная визитёрша, очевидно, решив так обозначить свою территорию.

— А это вы в молодости?— поборов возмущение спросил парень.

— Нет. Это моя дочь,— мельком взглянув на портрет, ответила женщина и сразу же добавила:— Она давно умерла.

— Простите,— смутился писатель, понимая, что женщина, вероятно, просто не в себе после смерти своего ребёнка, и постарался сразу перевести тему:— А что за фильм вы смотрите? Я знаю только песню...

— «Куда он денется!»— неожиданно раздался за спиной писателя звонкий молодой голос.

Виктор обернулся и вдруг увидел симпатичную блондинку с фотографии. Высокая и стройная,

с длинными волосами, завязанными в конский хвост, она стояла в дверном проёме между комнатой и прихожей, опершись спиной о косяк, и улыбалась.

— Музыкальная комедия. Такая себе... Проходная. Но маман любит всякое ретро,— девушка оценивающе прошла глазами по писателю и, выдержав паузу, продолжила с лёгкой иронией в голосе:— Так-так. Стоит мне задержаться в универе, как маман уже навела себе мужиков. Молодых и симпатичных. Вечером всё отцу расскажу. Спорим, его будет бомбить?

— Ну оставь ты свои шуточки, Катерина,— строго отозвалась седовласая женщина.— Молодой человек— писатель. Зашёл поболтать о литературе и философии, а ты его смущаешь.

— У-у-у, гуманитарий... Ну, не буду нарушать ваш интим,— чуть расстроено отозвалась девушка и скрылась на кухне.— М-м-м, оставили мне картошечку! Спасибо, мам! Я быстро перекушу и сваливаю.

— Поешь нормально! Не глотай кусками,— громко сказала седовласая незнакомка.

— Ну ма-а-ам!— чуть капризно протянула с кухни Катерина.

Писатель снова взглянул на фортепиано, где только что стояла фотография в рамке, но она пропала. Делая последнюю попытку выяснить, что же происходит, он почти вбежал на кухню, откуда пару минут назад слышался звон вилки о тарелку. Однако ни бойкой девушки, ни тарелки с картошкой, ни даже его детской вилочки там тоже уже не было. Только белый пустой квадрат покрытого пластиком стола, освещённый желтоватым уличным фонарём через окно, за которым резко стемнело.

— Золотисто-бежевые,— пробормотал писатель, глядя на полузадёрнутые кухонные шторы,— они были золотисто-бежевыми.

Виктор вернулся в комнату, где горел тёплый свет от люстры с шестью лампочками в виде заострённых свечек. По телевизору играла заставка передачи «Спокойной ночи, малыши!», а на зелёном ковре рядом с детской кроваткой играла в куклы маленькая девочка лет трёх. Парень перевёл взгляд на диван, где сидела пожилая женщина, но увидел там эффектную блондинку средних лет, неторопливо листавшую томик Толстого.

— Что, чёрт возьми, происходит?!— не выдержал писатель.

— Вы всё ещё не поняли?— блондинка отложила книгу и пристально посмотрела на Виктора.— Ну хорошо... Давайте только я сначала уложу ребёнка, а вы пока поставьте нам чайку,— женщина встала и подошла к девочке.— Катенька, пора спать. Давай переодеваться, хорошая моя...

Писатель, пошатываясь, прошёл по знакомой прихожей на знакомую кухню, включил свет

и зажёг газ под знакомым пузатым чайником. А потом сел за стол и уставился на его холодную белую поверхность в надежде, что вот-вот проснётся.

— Вы задумывались когда-нибудь, что такое утра-та близких?— послышался из темноты тихий голос незнакомки.

Виктор поднял на неё глаза и увидел перед собой молодую женщину в домашнем халате в синий цветочек, с заметно округлившимся животом. Она открыла белый кухонный шкаф, образующий вместе со столом своеобразный гарнитур в минималистическом советском стиле, достала пару чашек с золотистыми цветочками и налила чай.

— Как вы думаете? Почему именно смерть вызывает в нас столько сильных переживаний?— спросила женщина, усаживаясь напротив писателя, и, не дожидаясь ответа, продолжила свою мысль:— Ведь в конечном итоге умирают все. В этом нет ничего особенного или уникального. За многие десятки тысяч лет люди должны были к этому привыкнуть. Обычное явление.

— Из-за расставания,— предположил писатель.
— Нет,— чуть подумав, возразила блондинка,— дело и не в расставании. Не в том, что родного человека нет рядом. Все расстаются. Уходят на работу, оставляя своих детей. Отправляют стариков в больницы и дома престарелых. Разъезжаются по разным квартирам. По разным городам. Дело не в расставании. А в осознании того факта, что это навсегда. В понимании принципиальной невозможности возвращения. Это главная трагедия человека. Невозможность вернуться.

— Вы правы,— с бессильной тоской в голосе согласился парень.

— Конечно, права,— довольно улыбнулась женщина, умиrotворённо погладив себя по животу,— иначе бы я не посвятила остаток своей жизни решению этой проблемы. Вы ведь помните, что тут рядом идёт трамвайная ветка?

— Предлагаете мне броситься под трамвай?

— Упаси Боже... За кого вы меня принимаете? Я же не какой-нибудь Воланд. И даже не Маргарита,— рассмеялась блондинка.— Просто небольшая иллюстрация. Мысленный эксперимент. Представьте себе старый трамвай, который едет по рельсам. Сначала в одну сторону, а потом в другую. Очевидно, он меняет направление своего движения. Но вот пассажиры каждый раз представляют, что трамвай едет только вперёд. Туда, куда и нужно. Лишь потому, что им просто по пути.

Незнакомка замолчала, полезла в карман халата и протянула Виктору карамельку. Он покрутил в руках промокший в потёкшем сахарном сиропе фантик и на этот раз без опаски положил конфету в рот.

— Барбариски...

— Ваши любимые.

— Да. Помню, бабушка часто приберегала их для меня в кармане халата, чтобы при случае угостить... Чёрт! Как это возможно?!

— Возможно всё,— женщина снова залезла в карман и вдруг поставила перед парнем небольшой китайский будильник, стрелки которого, чуть подёргиваясь, как и положено, шли вперёд.— Да вы и сами прекрасно знаете, что все направления условны. И направления во времени— тоже. И то, что многие по привычке живут, двигаясь из прошлого в будущее, вовсе не означает, что это происходит абсолютно всем. Кому-то нужно двигаться назад. Кому-то перпендикулярно. А кому-то, как вам, просто хочется остановиться. И я помогу вам в этом.

— Но почему сейчас? И почему всё вокруг так... совпадает?

— Это интересный вопрос,— блондинка встала и подошла к окну.— Почему вы живёте на третьем этаже в девятой квартире дома номер восемьдесят один? Почему это последовательность квадратов чисел? Почему сумма цифр номера дома равна номеру квартиры? Почему восьмёрка похожа на повёрнутый символ бесконечности? Почему у вас куплена именно такая мебель, и почему она может быть расставлена в этой квартире единственным оптимальным способом? Почему мы встретились именно здесь и сегодня? Может, потому, что вам это было необходимо? А может, просто потому, что трамвай всегда едет по рельсам?

— Возможно...

— Подойдите-ка сюда... Взгляните.

Виктор подошёл к блондинке и посмотрел в окно. Там уже начался новый день. Солнце играло своими золотыми зайчиками в свежей зелёной листве, чуть шестелящая от дуновений лёгкого летнего ветерка. Во двор вышел уже полностью соевой, но бодрый дедушка с внуком. Маленький мальчик весело подбежал к песочнице и начал увлечённо катать в ней игрушечную машинку.

— Это же... я,— прошептал писатель.

— Знаете, что это означает?

— Да,— парень на минуту обнял блондинку, крепко прижав к себе, и прошептал:— Это моя остановка.— Тогда идите. В лучший день своей жизни. Идите! Трамвай не будет ждать вас слишком долго.

Витя вошёл в залитую солнцем комнату, где перед детской кроваткой на зелёном ковре со вчерашнего дня его ждали машинки, человечки и построенный из кубиков город. Мальчик поудобней устроился на мягком ворсе и продолжил играть в свою игру. Его ждало ещё множество выдуманных историй, полных загадок и приключений, но обязательно со счастливым концом.

Наталья с фотосумкой через плечо вошла в подъезд, поднялась на этаж и внезапно столкнулась с эффектной блондинкой, выходящей из дверей её

с Виктором квартиры. Незнакомка собиралась было запереть дверь снаружи, но чуть замешкалась, а Наталья уже крепко схватила её за локоть: — Ты что тут делаешь? Ты кто такая вообще?

— Это не важно, — торопливым полущёпотом проговорила блондинка, всё ещё стараясь повернуть и вытащить ключ, — хоть Венера... богиня любви... безрукая.

— Чего?! Я спрашиваю, что ты делала у меня в квартире?!

— Вам лучше просто уйти и забыть об этом месте, — незнакомка неожиданно пристально и серьёзно посмотрела на девушку, — забыть всё. Вы всё равно забудете...

— Что ты говоришь? Это моя квартира! Там мои вещи!

— Это не ваша квартира... И там нет ваших вещей, — невозмутимо ответила блондинка, всё-таки пропуская напористую соперницу внутрь.

Наталья вбежала в небольшую однокомнатную хрущёвку и замерла посреди голых белых стен. Помещение было совершенно пустым: ни старомодной мебели, ни ковров, ни забавных вещей и практически антикварной посуды. Казалось, они с Виктором вовсе не ездили сюда вчера и не восстанавливали целый день старую обстановку.

Первая мысль о том, что их, возможно, обокрали, вдруг наткнула на удивительный факт, которому Наталья сразу не поверила. Она даже специально поближе подошла к стене и несколько

раз провела рукой по ней в том месте, где должны были находиться дырочки от старого ковра.

— Убедились? — нетерпеливо и даже раздражённо спросила незнакомка растерянную Наталью и буквально выволокла её за руку из квартиры.

— Но... Как же? А где Витя?

— Его здесь нет.

— Но он ведь жил здесь... — неуверенно проговорила девушка.

— Он и живёт... Там, где и жил раньше, — сухо ответила блондинка, но, видя недоумевающий взгляд Натальи, чуть смягчилась. — Не волнуйтесь вы, девушка. С ним всё хорошо. Он там, где хотел быть. И он счастлив.

— Он что, уехал? Не предупредив?

— Да. На ночном трамвае, — буркнула блондинка и, наконец, справилась с замком, приперев дверь коленом.

— Но мы же... Виделись утром...

Полностью обескураженная и подавленная, Наталья опустилась на подгибающихся ногах и села на ступеньки. Блондинка торопливо взглянула на часы и, обойдя девушку, быстро сбежала по лестнице. Спустившись на полпролёта вниз, она всё-таки оглянулась.

— Он не мог вас предупредить. Ведь его здесь не было. И всего этого места тоже. Вы не понимаете... Но главное — не волнуйтесь. Не заикливайтесь на прошлом. Скоро всё изменится. Всё вокруг. И вы забудете. Просто настанет новый день.